

«меня – звеня» и т.п. могут пустить насмарку всю проделанную работу. Не надо жалеть читателя и понижать градус повествования. И тогда всё будет в порядке.

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ «ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРЫ»

КНИГИ 2018 – 2019 ГОДОВ

Даниил ЧКОНЯ (ГЕРМАНИЯ)¹

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Людмила Свирская. Любовь-невидимка. – Изд-во «Svaz spisovatelů OK», 2019.

Вот строки, которыми открывается книжка стихотворений Людмилы Свирской «Любовь-невидимка»:

Ни единым облаком не хмурясь.
Замаячил мартовский денёк.
Я с тобою, кажется, рифмуюсь,
Хоть и многим это невдомёк.
Друг от друга нас не отпуская
И на половинки не деля,
Бьётся рифма: женская – мужская,
На которой держится земля.

Эти восемь строк – квинтэссенция поэтической темы автора. У книжки есть и подзаголовок: «Маленькая повесть». Она выстроена короткими прозаическими главами, повествующими историю любви мужчины и женщины. А каждую главку сопровождают стихи. Стихи эти не являются пересказом содержания прозаического текста, но сцеплены с ним переживанием рассказчицы, отражают эмоциональный слой повести. Они главенствуют в книжке, вырастая из этой прозы, вынося остроту переживания на высокую волну.

За окном Рождество течёт.
Обжигающая струя.
Мы не дожили. (Я не в счёт.
Потому что не «мы», а «я».)

¹ Информация об авторе опубликована в раздел «Редакция» (стр. 4).

Новогодний оплачен счёт.
В рай ступени всегда круты.
Я в порядке. Но я не в счёт.
Потому что не «я», а «ты».

Мягко светишь среди зимы
Из осеннего небытия...
...Остается мне вместо «мы»
Неизменное «без тебя».

Напряжение сюжета повести достигает своего предела, и вот уже страницы прозаического повествования приобретают все признаки стихотворной речи:

«В шкафу с незакрывающейся дверцей все платья, что так нравились тебе, и бледное, измученное сердце, где А и Б играли на трубе... И будто я – на полке самой нижней, придавленная стопками белья... Кому молиться? Будде или Кришне? Куда кривая выведет моя? Смысл этой жизни – как бы между прочим – мной обнаружен там же, в уголке: в тебе, во мне, в машинах у обочин, в деревьях и прохожих вдалеке...».

Сюжет ещё развернётся в неожиданную сторону, житейское перейдёт в творческое начало, но понимание, что смысл жизни – в ней самой, останется в памяти читателя этой книги исповедально-лирического характера.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЯБЛОКО ПОЭТА

Юлия Белохвостова. Яблоко от яблони. – СПб.: Алетейя, 2018.
– 142 с.

Новая книга стихов Юлии Белохвостовой «Яблоко от яблони» вышла в питерском издательстве «Алетейя». В ней проявились лучшие качества поэтического характера автора и проявлены они в их развитии и постоянном движении. Качества эти нельзя приобрести, им невозможно научиться, их не дано имитировать, они – врождённые. Их можно развивать, придавать им новую окраску, наполнять новыми решениями и воплощениями, но по сути своей они – признак природного поэтического дарования, которым автор обладает.

Это – прежде всего – предельная искренность поэтического высказывания, лирическая исповедальность, свободное дыхание, естественность интонации, прямота стихотворной речи. Её стихи – при всём разнообразии тематики – оставляют ощущение личного дневника, в котором повседневность оборачивается не дневником событий, а

дневником души. Души, чья полнота жизни обеспечена художническим мировосприятием окружающей действительности. Белохвостовой дано видеть и слышать малейшие детали, за которыми раскрываются пространство и время:

Всё тишь да гладь. В листве темнеют вишни
внимательные карие глаза.
Предугадать, чем кончится затишье
по-прежнему заранее нельзя.

Что толку Трое в стенах укрепленных,
в законах, запрещающих вражду,
когда на ветке зреет неуклонно
единственное яблоко в саду.

Образная система Белохвостовой, свойственная ей метафоричность превращают самые простые явления жизни в факт поэзии. Автор фиксирует состояние природы, как сиюминутное настроение, являющееся камертоном остановленного мгновения:

Все ещё месяц рассыпанных звезд,
ливней, и молний, и мокрого сада,
ржавчиной тронутого винограда,
позднего чувства и долгого взгляда,
всё ещё лето, и это всерьёз.

Стих её – точный по слову и звуку – обладает внешней лёгкостью, развиваясь по законам внутреннего сюжета каждого стихотворения в отдельности, но, выстроенные по своей художественной логике, стихи превращаются в рассказ о жизни в целом. Рассказ, полный доверия к своему читателю. Доверия, без которого невозможна такая незащищённая распаханность повествования. Это очень женские стихи в самом лучшем смысле этого слова. Они требуют мужества лирической исповеди, на которое поэты-мужчины решаются чрезвычайно редко:

Ты мне пишешь, что из прихоти девической
я болтаюсь неизвестно с кем и где.
Ты не прав – я знаю с точностью до тысячи,
на какой меня болтает высоте.

Я могу сказать, когда всё это кончится,
в крайнем случае, плюс/минус полчаса:
мы заходим на посадку. Я не лётчица,
но внизу, наверно, наша полоса.

Эта поэтическая книга – книга о женской любви, о страсти, о своём женском, что не может не трогать сердце читателя, не может не откликаться в нашем восприятии силой поэтической мысли автора. Читаешь одно стихотворение за другим и понимаешь, что странным образом автор, повествуя о своём, рассказывает о твоём жизненном опыте. При этом средства, передающие человеческую связь автора и читателя, просты. Кажется, не раз сказанное в исполнении поэта звучит новой незаезженной нотой:

А пока в напеве одиноком
липы, перепуганные тьмой,
ветками царапают по окнам,
словно осень просится домой.

Все главные достоинства стихотворной речи Белохвостовой не были бы проявлены столь очевидно, если бы не её версификационная свобода, уверенное владение стихом.

По уже приведённым цитатам можно расслышать музыку стиха, густо аллитерированный стих Белохвостовой очень органично и ненавязчиво создаёт особую звуковую окраску стихотворения. Вот, например, стихотворение, в котором поэт рисует картину ночной природы – шорохи и шёпоты ночи, пропитанные шуршанием шипящих, воспроизводятся всей звуковой тканью стихотворения, и только две последние строки первого катрена нарушают эту благословенную тишину – перестук колёс пролетающей в ночи электрички, инструментованный на твёрдые и «рычащие» звуки:

Дождь перешел на шёпот. Здесь, в глуши
мне слышно, как по гравию шуршит
ночная электричка из Твери,
а может, в Тверь – попробуй, разбери.

Здесь тихо, тихо, даже сны и те
на цыпочках проходят в темноте,
ни одного лица не различишь,
такая темень и такая тишь.

Такая блажь – вполголоса дышать,
чтоб шепоту ничем не помешать,
как будто в нем, расслышанном едва,
особенные спрятаны слова.

И всё это сказано ненавязчиво, со всей естественностью стихотворной речи. Естественность этой речи проявляется и в некоторой округлости каждого предложения, уложенного в катрен,

нередко ещё и с помощью кольцевой рифмы, дополняющей эту округлость. Округлость эта в книге предстаёт сквозным образом яблони и яблоневого плода. Из предыдущей книги поэта в новую книгу, словно бы, связующей нитью перенесено одно из лучших стихотворений Юлии Белохвостовой «Папина яблоня» – что-то от русской песни, от фольклора звучит в этом балладном стихотворении:

...Вот эту яблоню за домом я помню дольше, чем себя. Отец рассказывал знакомым, что к середине сентября (не этого, но через годик уж точно) будет нам пирог, все дело в правильном уходе. И он ухаживал, как мог: поил, кормил, зимой холодной ствол мешковиной пеленал... Увы, она была бесплодной, как Авраамова жена.

Сад пережил пожар, щитовок, набеги выросших детей и переделку в духе новых ландшафтно-парковых идей. Творцы в порыве вдохновения хотели яблоню срубить, но для густой прохладной тени оставили. И птицы вить в ее ветвях привыкли гнезда, а папа в солнечные дни любил сидеть в шезлонге пестром в ее спасительной тени.

Тот год, когда мы проводили отца, был яблочко богат. Под слоем золотистой пыли тонул в осеннем солнце сад, со стороны усадьбы старой трезвонили колокола, и яблоня библейской Саррой воспрянула и понесла – согнулись ветки под плодами, не в силах с ношей совладать, а в доме пахло пирогами, а в сердце стала благодать.

Кажется, в этих строках воплощена вся жизненная сила мировосприятия поэта, преодолевающая боль, осветляющая память, являющая пример жизнестойкости, которыми с искренней щедростью делится с нами Юлия Белохвостова.